

# Три царства - медное, серебряное и золотое — вариант 3

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил царь Бел Белянин; у него была жена Настасья золотая коса и три сына: Петр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич. Пошла царица с своими мамушками и нянюшками прогуляться по' саду. Вдруг поднялся сильный вихрь - что и боже мой! схватил царицу и унес неведомо куда. Царь запечалился-закручинился и не ведает, как ему быть. Подросли царевичи он и говорит им: "Дети мои любезные! Кто из вас поедет - мать свою отыщет?"

Собрались два старшие сына и поехали; а за ними и младший стал у отца проситься. "Нет, - говорит царь, - ты, сынок, не езд! Не покидай меня одного, старика". - "Позволь, батюшка! Страх как хочется по белу свету постранствовать да матушку отыскать". Царь отговаривал, отговаривал, не мог отговорить: "Ну, делать нечего, ступай; бог с тобой!"

Иван-царевич оседлал своего доброго коня и пустился в дорогу. Ехал-ехал, долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; приезжает к лесу. В том лесу богатейший дворец стоит. Иван-царевич въехал на широкий двор, увидел старика и говорит: "Много лет здравствовать, старичок!" - "Милости просим! Кто таков, добрый молодец?" - "Я - Иван-царевич, сын царя Бела Белянина и царицы Настасьи золотой косы". - "Ах, племянник родной! Куда тебя бог несет?" - "Да так и так, - говорит, - еду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, где найти ее?" - "Нет, племянник, не знаю. Чем могу, тем и послужу тебе; вот тебе шарик, брось его перед собою; он покатится и приведет тебя к крутым, высоким горам. В тех горах есть пещера, войди в нее, возьми железные когти, надень на руки и на ноги и полезай на горы; авось там найдешь свою мать Настасью золотую косу".

Вот хорошо. Иван-царевич попрощался с дядею и пустил перед собою шарик; шарик катится, катится, а он за ним едет. Долго ли, коротко ли - видит: братья его Петр-царевич и Василий-царевич стоят в чистом поле лагерем и множество войска с ними. Братья его встренули: "Ба! Куда ты, Иван-царевич?" - "Да что, - говорит, - соскучился дома и задумал ехать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поедemте вместе". Они так и сделали; отпустили войско и поехали втроем за шариком. Издали еще завидели горы - такие крутые, высокие, что и боже мой! верхушками в небо уперлись. Шарик прямо

к пещере прикатился; Иван-царевич слез с коня и говорит братьям: "Вот вам, братцы, мой добрый конь; я пойду на горы матушку отыскивать, а вы здесь оставайтесь; дожидайтесь меня ровно три месяца, а не буду через три месяца - и ждать нечего!" Братья думают: "Как на эти горы влезать, да тут и голову поломать!" "Ну, - говорят, - ступай с богом, а мы здесь подождем".

Иван-царевич подошел к пещере, видит - дверь железная, толкнул со всего размаху - дверь отворилась; вошел туда - железные когти ему на руки и на ноги сами наделись. Начал на горы взбираться, лез, лез, целый месяц трудился, насилиу наверх взобрался. "Ну, - говорит, - слава богу!"

Отдохнул немного и пошел по горам; шел-шел, шел-шел, смотрит - медный дворец стоит, у ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, так и кишат! А подле колодезь, у колодезя медный корец на медной цепочке висит. Иван-царевич взял почерпнул корцом воды, напоил змей; они присмирели, прилегли, он и прошел во дворец.

Выскакивает к нему медного царства царица: "Кто таков, добрый молодец?" - "Я Иван-царевич". - "Что, - спрашивает, - своей охотой али неволей зашел сюда, Иван-царевич?" - "Своей охотой; ищу мать свою Настасью золотую косу. Какой-то Вихрь ее из саду похитил. Не знаешь ли, где она?" - "Нет, не знаю; а вот недалеко отсюда живет моя середняя сестра, серебряного царства царица; может, она тебе скажет". Дала ему медный шарик и медное колечко. "Шарик, - говорит, - доведет тебя до средней сестры, а в этом колечке все медное царство состоит. Когда победишь Вихря, который и меня здесь держит и летает ко мне чрез каждые три месяца, то не забудь меня бедной - освободи отсюда и возьми с собою на вольный свет". - "Хорошо", - отвечал Иван-царевич, взял бросил медный шарик - шарик покатился, а царевич за ним пошел.

Приходит в серебряное царство и видит дворец лучше прежнего - весь серебряный; у ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы, а подле колодезь с серебряным корцом. Иван-царевич почерпнул воды, напоил змей - они улеглись и пропустили его во дворец. Выходит царица серебряного царства: "Уж скоро три года, - говорит, - как держит меня здесь могучий Вихрь; я русского духу слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух воочью совершается. Кто таков, добрый молодец?" - "Я Иван-царевич". - "Как же ты сюда попал - своею охотою али неволею?" - "Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она в зеленом саду погулять, как поднялся Вихрь и умчал ее неведомо куда. Не знаешь ли, где найти ее?" - "Нет, не знаю; а живет здесь недалечко старшая сестра моя, золотого царства царица, Елена Прекрасная; может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик, покати его перед собою и ступай за ним следом; он тебя доведет до золотого царства. Да

смотри, как убьешь Вихря - не забудь меня бедной; вызволь отсюда и возьми с собою на вольный свет; держит меня Вихрь в заключении и летает ко мне через каждые два месяца". Тут подала ему серебряное колечко: "В этом колечке все серебряное царство состоит!" Иван-царевич покатил шарик: куда шарик покатился, туда и он направился.

Долго ли, коротко ли, увидел - золотой дворец стоит, как жар горит; у ворот кишат страшные змеи - на золотых цепях прикованы, а возле колодезь, у колодезя золотой корец на золотой цепочке висит. Иван-царевич почерпнул корцом воды и напоил змей; они улеглись, присмирели. Входит царевич во дворец; встречает его Елена Прекрасная: "Кто таков, добрый молодец?" - "Я Иван-царевич". - "Как же ты сюда зашел - своей ли охотой али неволею?" - "Зашел я охотой; ищу свою матушку Настасью золотую косу. Не ведаешь ли, где найти ее?" - "Как не ведать! Она живет недалеко отсюда, и летает к ней Вихрь раз в неделю, а ко мне раз в месяц. Вот тебе золотой шарик, покати перед собою и ступай за ним следом - он доведет тебя куда надобно; да вот еще возьми золотое колечко - в этом колечке все золотое царство состоит! Смотри же, царевич: как победишь ты Вихря, не забудь меня бедной, возьми с собою на вольный свет". - "Хорошо, - говорит, - возьму!"

Иван-царевич покатил шарик и пошел за ним: шел-шел, и приходит к такому дворцу, что и господи боже мой! - так и горит в бриллиантах и самоцветных камнях. У ворот шипят шестиглавые змеи; Иван-царевич напоил их, змеи присмирели и пропустили его во дворец. Проходит царевич большими покоями и в самом дальнем находит свою матушку: сидит она на высоком троне, в царские наряды убрана, драгоценной короной увенчана. Глянула на гостя и вскрикнула: "Ах, боже мой! Ты ли, сын мой возлюбленный? Как сюда попал?" - "Так и так, - говорит, - за тобой пришел". - "Ну, сынок, трудно тебе будет! Ведь здесь на горах царствует злой, могучий Вихрь, и все духи ему повинуются; он-то и меня унес. Тебе с ним бороться надо! Пойдем поскорей в погреб".

Вот сошли они в погреб. Там стоят две кади с водою: одна на правой руке, другая на левой. Говорит царица Настасья золотая коса: "Испей-ка водицы, что направо стоит". Иван-царевич испил. "Ну что, сколько в тебе силы?" - "Да так силен, что весь дворец одной рукой поверну". - "А ну, испей еще". Царевич еще испил. "Сколько теперь в тебе силы?" - "Теперь захочу - весь свет поворочу". - "Ох, уж это дюже много! Переставь-ка эти кади с места на место: ту, что стоит направо, отнеси на левую руку, а ту, что налево, отнеси на правую руку". Иван-царевич взял кади и переставил с места на место. "Вот видишь ли, любезный сын: в одной кади - сильная вода, в другой - бессильная;

кто первой напьется - будет сильномогучим богатырем, а кто второй изопьет - совсем ослабеет. Вихрь пьет всегда сильную воду и ставит ее по правую сторону; так надо его обмануть, а то с ним никак не сладить!"

Воротились во дворец. "Скоро Вихрь прилетит, - говорит царица Ивану-царевичу. - Садись ко мне под порфиру, чтоб он тебя не увидел. А как Вихрь прилетит да кинется меня обнимать-целовать, ты и схвати его за палицу. Он высоко-высоко поднимется будет носить тебя и над морями и над пропастями, ты смотри не выпускай из рук палицы. Вихрь утомится, захочет испить сильной воды, спустится в погреб и бросится к кади, что на правой руке поставлена, а ты пей из кади на левой руке. Тут он совсем обессилеет, ты выхвати у него меч и одним ударом отруби его голову. Как срубишь ему голову, тотчас сзади тебя кричать будут: "Руби еще, руби еще!" А ты, сынок, не руби, а в ответ скажи: "Богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу!"

Только Иван-царевич успел под порфиру укрыться, как вдруг на дворе потемнело, все кругом затряслось; налетел Вихрь, ударился о землю, сделался добрым молодцем и входит во дворец; в руках у него боевая палица. "Фу-фу-фу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?" Отвечает царица: "Не знаю, отчего тебе так сдается". Вихрь бросился ее обнимать-целовать, а Иван-царевич тотчас за палицу. "Я тебя съем!" - закричал на него Вихрь. "Ну, бабка надвое сказала: либо съешь, либо нет!" Вихрь рванулся - в окно да в поднебесье; уж он носил, носил Ивана-царевича - и над горами: "Хошь, - говорит, - зашибу?" и над морями: "Хошь, - грозит, - утоплю?" Только нет, царевич не выпускает из рук палицы.

Весь свет Вихрь вылетал, утомился и начал спускаться; спустился прямо-таки в погреб, подбежал к той кади, что на правой руке стояла, и давай пить бессильную воду, а Иван-царевич кинулся налево, напился сильной воды и сделался первым могучим богатырем во всем свете. Видит он, что Вихрь совсем ослабел, выхватил у него острый меч да разом и отсек ему голову. Закричали позади голоса: "Руби еще, руби еще, а то оживет". - "Нет, - отвечает царевич, - богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу кончает!" Сейчас разложил огонь, сжег и тело и голову и пепел по ветру развеял. Мать Ивана-царевича радая такая! "Ну, - говорит, - сын мой возлюбленный, повеселимся, покушаем, да как бы нам домой поскорей; а то здесь скучно, никого из людей нету". - "Да кто же здесь прислуживает?" - "А вот увидишь". Только задумали они кушать, сейчас стол сам накрывается, разные яства и вина сами на стол являются; царица с царевичем обедают, а невидимая музыка им чудные песни наигрывает. Наелись-напились они,

отдохнули; говорит Иван-царевич: "Пойдем, матушка, пора! Ведь нас под горами братья дожидаются. Да дорогою надобно трех цариц избавить, что здесь у Вихря жили".

Забрали все, что нужно, и отправились в путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потом за царицей серебряного, а там и за царицей медного царства; взяли их с собою, захватили полотна и всякой всячины и в скором времени пришли к тому месту, где надо с гор спускаться.

Иван-царевич спустил на полотне сперва мать, потом Елену Прекрасную и двух сестер ее. Братья стоят внизу - дожидаются, а сами думают: "Оставим Ивана-царевича наверху, а мать да цариц повезем к отцу и скажем, что мы их отыскали". - "Елену Прекрасную я за себя возьму, - говорит Петр-царевич - царицу серебряного царства возьмешь ты, Василий-царевич; а царицу медного государства отдадим хоть за генерала".

Вот как надо было Ивану-царевичу с гор спускаться, старшие братья взялись за полотна, рванули и совсем оторвали. Иван-царевич на горах остался. Что делать? Заплакал горько и пошел назад; ходил, ходил и по медному царству, и по серебряному, и по золотому - нет ни души. Приходит в бриллиантовое царство - тоже нет никого. Ну, что один? Скука смертная! Глядь - на окне лежит дудочка. Взял ее в руки. "Дай, - говорит, - поиграю от скуки". Только свистнул - выскакивают хромой да кривой; "Что угодно, Иван-царевич?" - "Есть хочу". Тотчас откуда ни возьмись - стол накрыт, на столе и вина и кушанья самые первые. Иван-царевич покушал и думает: "Теперь отдохнуть бы не худо". Свистнул в дудочку, явились хромой да кривой: "Что угодно, Иван-царевич?" - "Да чтобы постель была готова". Не успел выговорить, а уж постель постлана - что ни есть лучшая.

Вот он лег, выспался славно и опять свистнул в дудочку. "Что угодно?" - спрашивают его хромой да кривой. "Так, стало быть, все можно?" - спрашивает царевич. "Все можно, Иван-царевич! Кто в эту дудочку свистнет, мы для того все сделаем. Как прежде Вихрю служили, так теперь тебе служить рады; только надобно, чтоб эта дудочка завсегда при тебе была". - "Хорошо же, - говорит Иван-царевич, - чтоб я сейчас стал в моем государстве!" Только сказал, и в ту ж минуту очутился в своем государстве посеред базара. Вот ходит по базару; идет навстречу башмачник - такой весельчак! Царевич спрашивает: "Куда, мужичок, идешь?" - "Да несу черевики продавать; я башмачник". - "Возьми меня к себе в подмастерья". - "Разве ты умеешь черевки шить?" - "Да все, что угодно, умею; не то черевки, и платье сошью". - "Ну, пойдем!"

Пришли они домой; башмачник и говорит: "Ну-ка, смастери! Вот тебе товар самый первый; посмотрю, как ты умеешь". Иван-царевич пошел в свою комнатку, вынул дудочку, свистнул - явились хромой да кривой: "Что угодно, Иван-царевич?" - "Чтобы к завтраму башмаки были готовы". - "О, это службишка, не служба!" - "Вот и товар!" - "Что это за товар? Дряннь - и только! Надо за окно выкинуть". Назавтра царевич просыпается, на столе башмаки стоят прекрасные, самые первые. Встал и хозяин: "Что, молодец, пошил башмаки?" - "Готовы". - "А ну, покажь!" Взглянул на башмаки и ахнул: "Вот так мастера добыл себе! Не мастер, а чудо!" Взял эти башмаки и понес на базар продавать.

В эту самую пору готовились у царя три свадьбы: Петр-царевич собирался жениться на Елене Прекрасной, Василий-царевич - на царице серебряного царства, а царицу медного царства отдавали за генерала. Стали закупать к тем свадьбам наряды; для Елены Прекрасной понадобились черевики. У нашего башмачника объявились черевики лучше всех; привели его во дворец. Елена Прекрасная как глянула: "Что это? - говорит. - Только на горах могут такие башмаки делать". Заплатила башмачнику дорого и приказывает: "Сделай мне без мерки другую пару черевик, чтоб были на диво сшиты, драгоценными камнями убраны, бриллиантами усажены. Да чтоб к завтраму поспели, а не то - на виселицу!"

Взял башмачник деньги и драгоценные каменья; идет домой - такой пасмурный. "Беда! - говорит. - Что теперь делать? Где такие башмаки пошить к завтраму, да еще без мерки? Видно, повесят меня завтра! Дай хоть напоследки погуляю с горя с своими друзьями". Зашел в трактир; друзей-то у него много было, вот они и спрашивают: "Что ты, брат, пасмурен?" - "Ах, други любезные, ведь завтра повесят меня!" - "За что так?" Башмачник рассказал свое горе: "Где уж тут о работе думать? Лучше погуляем напоследки". Вот пили-пили, гуляли-гуляли, башмачник уж качается. "Ну, - говорит, - возьму домой бочонок вина да лягу спать. А завтра, как только придут за мной вешать, сейчас полведра выдую; пускай уж без памяти меня вешают". Приходит домой. "Ну, окаянный, - говорит Ивану-царевичу, - вот что твои черевики наделали... так и так... поутру, как придут за мной, сейчас меня разбуди".

Ночью Иван-царевич вынул дудочку, свистнул - явились хромой да кривой: "Что угодно, Иван-царевич?" - "Чтоб такие-то башмаки были готовы". - "Слушаем!" Иван-царевич лег спать; поутру просыпается - башмаки на столе стоят, как жар горят. Идет он будить хозяина: "Хозяин! Вставать пора". - "Что, али за мной пришли? Давай скорее бочонок с вином, вот кружка - наливай; пусть уж пьяного вешают". - "Да башмаки-то готовы". - "Как готовы? Где они? -

Побежал хозяин, глянул: - Ах, когда ж это мы с тобой делали?" - "Да ночью, неужто, хозяин, не помнишь, как мы кроили да шили?" - "Совсем заспал, брат; чуть-чуть помню!"

Взял он башмаки, обернул, бежит во дворец. Елена Прекрасная увидела башмаки и догадалась: "Верно, это Ивану-царевичу духи делают". - "Как это ты сделал?" - спрашивает она у башмачника "Да я, - говорит, - все умею делать!" - "Коли так, сделай мне платье подвенечное, чтоб было оно золотом вышито, бриллиантами да драгоценными камнями усеяно. Да чтоб завтра было готово, а не то - голову долой!" Идет башмачник опять пасмурный, а други давно его дожидают: "Ну что?" - "Да что, - говорит, - одно окаянство! Вот проявилась переводчица роду христианского, велела к завтраму платье сшить с золотом, с камнями. А я какой портной! Уж верно завтра с меня голову снимут". - "Э, брат, утро вечера мудренее: пойдем погуляем".

Пошли в трактир, пьют-гуляют. Башмачник опять нализался, притащил домой целый бочонок вина и говорит Ивану-царевичу: "Ну, малый, завтра, как разбудишь, так целое ведро и выдую; пусть пьяному рубят голову! А этакого платья мне и в жизнь не сделать". Хозяин лег спать, захрапел, а Иван-царевич свистнул в дудочку - явились хромой да кривой: "Что угодно, царевич?" - "Да чтоб к завтраму платье было готово - точно такое, как Елена Прекрасная у Вихря носила". - "Слушаем! Будет готово". Чем свет проснулся Иван-царевич, а платье на столе лежит, как жар горит - так всю комнату и осветило. Вот он будит хозяина, тот продрал глаза: "Что, аль за мной пришли - голову рубить? Давай поскорей вино!" - "Да ведь платье готово..." - "Ой ли! Когда ж мы сшить успели?" - "Да ночью, разве не помнишь? Ты сам и кроил". - "Ах, брат, чуть-чуть припоминаю; как во сне вижу". Взял башмачник платье, бежит во дворец.

Вот Елена Прекрасная дала ему много денег и приказывает: "Смотри, чтоб завтра к рассвету на седьмой версте на' море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан был мост золотой, тот мост устлан дорогим бархатом, а около перил по обеим сторонам росли бы деревья чудные и певчие б птицы разными голосами воспевали. Не сделаешь к завтраму - велю четверить тебя!" Пошел башмачник от Елены Прекрасной и голову повесил. Встречают его други: "Что, брат?" - "Да что! Пропал я, завтра четверить меня. Такую службу задала, что никакой черт не сделает". - "Э, полно! Утро вечера мудренее; пойдем в трактир". - "И то пойдемте! Напоследях надо хоть повеселиться".

Вот они пили-пили; башмачник до того к вечеру напился, что домой под руки привели. "Прощай, малый!" - говорит он Ивану-царевичу. - Завтра казнят

меня". - "Али новая служба задана?" - "Да, вот так и так!" Лег и захрапел; а Иван-царевич тотчас в свою комнату, свистнул в дудочку - явились хромой да кривой: "Что угодно, Иван-царевич?" - "Можете ль сослужить мне вот этакую службу..." - "Да, Иван-царевич, это служба! Ну, да делать нечего - к утру все готово будет". Назавтра чуть светать стало, Иван-царевич проснулся, смотрит в окно - батюшки светы! Все как есть сделано: золотой дворец словно жар горит. Будит он хозяина; тот вскочил: "Что? Аль за мной пришли? Давай вина поскорей! Пусть казнят пьяного". - "Да ведь дворец готов". - "Что ты!" Глянул башмачник в окно и ахнул от удивления: "Как это сделалось?" - "Да разве не помнишь, как мы с тобой мастерили?" - "Ах, видно, я заспался; чуть-чуть помню!"

Побежали они в золотой дворец - там богатство невиданное и неслыханное. Говорит Иван-царевич: "Вот тебе, хозяин, крылышко; поди, обметай на мосту перила, а коли придут да спросят: кто такой во дворце живет? - ты ничего не говори, только отдай эту записочку". Вот хорошо, пошел башмачник и стал обметать на мосту перила. Утром проснулась Елена Прекрасная, увидела золотой дворец и сейчас побежала к царю: "Поглядите, ваше величество, что у нас делается; на' море золотой дворец выстроен, от того дворца мост на семь верст тянется, а вокруг моста чудные деревья растут, и певчие птицы разными голосами поют".

Царь сейчас посылает спрашивать: "Что бы это значило? Уж не богатырь ли какой под его государство подступил?" Приходят посланные к башмачнику, стали его расспрашивать; он говорит: "Я не знаю, а есть у меня записка к вашему царю". В этой записке Иван-царевич рассказал отцу все, как было: как он мать освободил, Елену Прекрасную добыл и как его старшие братья обманули. Вместе с запискою посылает Иван-царевич золотые кареты и просит приехать к нему царя с царицею, Елену Прекрасную с ее сестрами; а братья пусть назади в простых дровнях будут привезены.

Все тотчас собрались и поехали; Иван-царевич встретил их с радостью. Царь хотел было старших сынов расказнить за их неправду, да Иван-царевич отца упросил, и вышло им прощение. Тут начался пир горой; Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, за Петра-царевича отдал царицу серебряного государства, за Василья-царевича отдал царицу медного государства, а башмачника в генералы произвел. На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало.